

кладчик подчеркнул, что, выбирая Новую Гвинею (это было в Йене в 1868 г.), Н. Н. Миклухо-Маклай уже думал о Папуасском Союзе, хотя впервые о своем желании создать его заявил официально лишь через 7 лет, в 1875 г. Попав на Новую Гвинею, ученый вскоре решает остаться среди папуасов на всю жизнь, а следовательно, готов отказаться от выполнения программы своих научных исследований, включавшей посещение не только Новой Гвинеи, но и таких мест обитания папуасской расы, как Филиппины, Малакка, Меланезия. В те годы в папуасской расе многие видели самый первобытный народ, чуть ли не обезьянолюдей, остаток населения затонувшей Лемурии, прародины человека. По мнению Э. Геккеля (одного из учителей Н. Н. Миклухо-Маклая в Йенском университете), люди папуасской расы еще не выработали прямохождения, волосы у них растут пучками; они не умеют добывать огонь; в их языке мало слов, и изучение этой расы может будто бы служить доказательством теории Ч. Дарвина о происхождении человека. Н. Н. Миклухо-Маклай отверг утверждения о высших и низших расах, на основе фактов доказывал теорию равенства человеческих рас. Жизнь его сложилась так, что ему удалось выполнить свою научную программу — побывать на Филиппинах, Малакке, островах Меланезии; всюду он видел людей, таких же по своим природным способностям, как и европейцы. Создать Папуасский Союз Миклухо-Маклаю, как известно, не удалось, но мечты его недавно сбылись. В 1975 г. возникло независимое государство Папуа — Новая Гвинея, частью которого стал и Берг Маклая. Жители этого региона слагают о Н. Н. Миклухо-Маклае мифы и легенды. В городе Маданг есть улица Маклая. Папуасы считают его духовным отцом формирующейся папуа-новогвинейской нации.

И. К. Федорова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Татуировка и ее функции в полинезийском обществе» подробно рассказала о том, как и в каком возрасте делали татуировку на разных островах Полинезии. Татуировка мужчин была обильной (покрывала иногда все тело), у женщин — обычно незначительной (чаще всего на губах и около рта). Мастер-татуировщик сначала наносил на тело пациента эскиз рисунка, затем делал уколы с помощью иглы или тонкого резца, потом втирал краску в наколы или вводил ее под кожу, предварительно смочив острие иглы или резца. Докладчица отметила, что татуировка знаменовала переход юности в группу взрослых мужчин. Она была весьма болезненной, особенно на лице; щеки и губы пациента распухали так, что его приходилось (как это делали маори) кормить через воронку. Татуировка была не только украшением, но и служила указанием на социальный статус, а также оберегом. К концу XIX в. татуировка в Полинезии либо совсем исчезла, как и на Гавайях, либо пришла в упадок.

М. С. Бутинова (Музей истории религии и атеизма, Ленинград) в докладе «О независимых церквях Меланезии» проанализировала деятельность трех независимых церквей — «Остаточной церкви» на о-ве Малаита, «Церкви христианского братства» на о-ве Нью-Джорджия и «Независимой церкви» на о-ве Гуадалканал. Независимыми эти церкви называются потому, что они обособились от европейских христианских миссий, проводят самостоятельную политику (выступают против неокOLONиализма) и создают собственные вероучения. Все они возникли на основе национально-освободительных движений: первая — на основе движения Масинга Рул, вторая — движения Тутару, третья — движения Моро. Во главе независимых церквей стоят местные служители христианского культа. В вероучениях приоритет отдается идее святого духа (в отличие от миссионерских церквей, которые делают акцент на боге-отце и боге-сыне). В культуре наряду с христианской обрядностью фигурируют традиционные меланезийские обряды и верования. Докладчица отметила, что независимые церкви существуют не только в государстве Соломоновы Острова, но и в других молодых государствах Меланезии — в Папуа — Новой Гвинее, Вануату, Фиджи. Деятельность независимых церквей пока изучена слабо, некоторые стороны их вероучений засекречены, многие независимые церкви известны только по названиям. Одна из актуальных задач, стоящих перед местными растущими кадрами этнографов, — изучение роли и значения независимых церквей в современной жизни меланезийцев.

XVII конференция по изучению Австралии и Океании, как и предыдущие, прошла очень оживленно. Доклады были всесторонне обсуждены. Подводя итоги конференции, К. В. Малаховский подчеркнул настоятельную необходимость ежегодных встреч австраловедов и океанистов нашей страны.

М. С. Бутинова

НА ВТОРОМ МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ КАТАЛАНСКОГО ЯЗЫКА

Второй международный конгресс каталанского языка проходил с 30 апреля по 11 мая 1986 г. Собственно научная деятельность его участников распределялась по семи секциям: 1) «Языковое строительство и процессы лингвистической нормализации»; 2) «Социология языка»; 3) «Социальная лингвистика»; 4) «Средства коммуникации и новая технология»; 5) «Язык и право»; 6) «Обучение»; 7) «История языка». Секции 1—3, 6 и 7 размещались на территории Испании, соответственно в городах Лёрида (по каталански Льейда), Херона (по-каталански Жирона), Пальма-де-Мальорка, Таррагона (часть заседаний — в соседнем городе Реус) и Валенсия; секция 4 — во фран-

цузском городе Перпиньяне, а секция 5 — в столице государства Андорра, городе Андорра-ла-Велья.

Научные заседания в перечисленных секциях составляли как бы основу так называемой «первой фазы» (с 30 апреля по 8 мая) предварительно разработанной программы конгресса, по отнюдь не исчерпывали ее. Они дополнялись внесекционными выступлениями ученых различных стран, публичными лекциями, митингами, вечерами поэзии, выставками книг на каталанском языке и картин местных художников, собраниями, посвященными выдающимся деятелям культуры каталаноязычного ареала, экскурсиями по памятным местам истории и культуры, всевозможными концертами каталанской музыки и песни — народной и политической, в стиле «рок» и церковной; выступлениями театральных коллективов, приемами в официальных, общественных и культурных учреждениях и т. д., и т. п.

К началу «второй фазы» конгресса (с 7 по 11 мая) научные секции уже закончили или завершали свою работу, и на первый план вышли мероприятия общественно-культурного характера, хотя наряду с ними продолжались выступления и лекции о происхождении, истории и современном состоянии каталанского языка как на академическом, так и на популярном уровне. В Барселоне, которая стала в эти дни центром конгресса и местом проведения его заключительных мероприятий, состоялись заседания международных симпозиумов, посвященных проблемам перевода на каталанский язык, а также судьбам европейских литератур «ограниченного ареала распространения».

«Третья фаза» — с мая по декабрь 1986 г., т. е. после официального закрытия конгресса, по замыслам организаторов, должна была быть посвящена окончательному подведению итогов состоявшейся встречи, их популяризации, публикации материалов, осуществлению сделанных рекомендаций.

Уже из перечня — далеко не полного — подготовленных и проведенных за 12 дней мероприятий видно, что по своим масштабам и значению конгресс вышел далеко за академические рамки. Число участников и зрителей различных актов и церемоний измерялось сотнями, тысячами и даже десятками тысяч (как, например, вечером 9 мая на площади перед всемирно известным творением барселонского архитектора А. Гауди — храмом «Святое семейство», где выступление популярных каталонских бардов собрало более 50 тыс. слушателей). Некоторые мероприятия имели откровенно символический характер. Так, «всех, кому дорог каталанский язык», приглашали к единовременному, ровно в 8 час. вечера в день открытия конгресса, исполнению посвященного ему гимна. Музыка и текст этого произведения, многократно размноженные, повсеместно распространялись, расклеивались на стенах, публиковались в газетах и т. д. По сообщениям организаторов, в столь необычном грандиозном хоре слились голоса не менее чем 700 тыс. человек, собравшихся на городских и сельских площадях по всей территории каталаноязычного ареала. Символическим представляется и опять же единовременное (в 8 час. вечера 8 мая) выступление в 100 городах и селениях упомянутого ареала соответственно 100 ученых-каталанистов из различных стран — с лекциями на каталанском языке.

Такая организация конгресса, на мой взгляд, вполне закономерна, так как он изначально понимался и, следовательно, готовился как нечто значительно большее, чем исключительно научный форум (хотя актуальность исследовательских разработок в сфере каталанского языка, настоятельная необходимость их интенсификации и координации не подлежат сомнению): организаторы видели в нем важную веху в культурно-языковом развитии каталаноязычного населения европейских стран, рассчитывали использовать его проведение для широкой мобилизации общественности в поддержку каталанского языка. Сейчас, да публикации материалов конгресса, нет возможности в полной мере оценить его научные результаты, да и не хотелось бы этого делать, не будучи филологом; скажу лишь, что президент конгресса, известный барселонский профессор-филолог Бадна Маргарит, назвал их «безупречными». Вместе с тем некоторые события и обстоятельства, сопутствовавшие его проведению, представляются мне настолько интересными и важными для понимания современной этнической ситуации в Испании — а может быть, и в более широком, даже глобальном масштабе, — что я счел правомочным взглянуть на происходившее «глазами этнографа» и поделиться своими непосредственными впечатлениями. Вряд ли на их основе можно делать какпето обобщающие выводы — хотя бы потому, что наша делегация участвовала в работе лишь двух секций из семи, и мы смогли познакомиться в лучшем случае с одной двадцатой всех проведенных в рамках конгресса мероприятий; скорее это, так сказать, «материал для размышлений». И конечно, из того, что я рассматриваю лишь определенный круг явлений, еще не следует, что стоящие за ними тенденции оказались наиболее значимыми, доминирующими в ходе работы интересующего нас съезда филологов.

Читателям нужно знать, что первый конгресс с тем же названием состоялся в октябре 1906 г. По отзывам специалистов, он «...сыграл весьма положительную роль в укреплении и нормализации каталанского языка»¹, способствовал созданию так называемого Института каталанских исследований (целью которого стало всеобъемлющее научное изучение каталанской культуры²) и т. д. Но едва наметившуюся традицию надолго прервали бурные и суровые события испанской истории, не благоприятствовавшие регулярным филологическим собраниям. В особенности это относится к многолетнему периоду франкизма, резко враждебному всем попыткам «национальных меньшинств» отстаивать свою самобытность в любой форме. Не поддается учету тот ущерб,

¹ Васильева-Шведе О. К. Каталанский и галисийский языки в культуре народов Пиренейского полуострова//Культура народов Пиренейского полуострова. Л., 1983. С. 124.

² Там же.

который в результате жесткой ассимиляторской политики правящих кругов претерпели язык и культуры «окраинных» народов Испании: басков, каталонцев, галисийцев. И вполне понятен энтузиазм, с которым тысячи людей самых разных профессий, возрастов, социальных слоев и идейных взглядов откликнулись на прозвучавший в 1985 г. призыв поддержать организацию Второго конгресса. Обеспечение работы секций взяли на себя различные учебные, научные, общественные и профессиональные организации — университеты, Институт каталанских исследований, коллегия адвокатов и др. Без участия именно тысяч помощников невозможно было бы придать научному съезду характер чуть ли не национального праздника. Во многих выступлениях говорилось о том, что язык — основа существования народа, потому так важно было его спасти в годы гонений. «У меня есть лишь одна родина, и эта родина — мой язык»³ — образно высказался один из докладчиков. Десятилетия угнетенного, приниженого положения каталанского языка, несомненно, хорошо помнили многие сотни людей, собравшиеся в огромном концертном зале — так называемом Аудиториуме — в городе Пальма-де-Мальорка, где они несколько минут, стоя, некоторые со слезами на глазах, аплодировали словам, возвестившим торжественное открытие Второго конгресса каталанского языка — через 80 лет после Первого!

Но язык недостаточно было сохранить до лучших — наступивших сейчас — времен: нужно добиться того, чтобы он стал полноправным и полноценным (по терминологии конгресса — «нормализовать» его), стал достоянием всего населения каталаноязычного арсала, нужно окончательно преодолеть укоренившееся в широких кругах представление о нем как об «кустном», «домашнем», годном лишь для неформальных межличностных контактов. В Испании к середине 1970-х годов подавляющее большинство тех, кто говорил и понимал по-каталански, не умели читать и писать на этом языке. Более того, весьма значительную и непрерывно продолжающую расти группу здешнего населения составляют выходцы из южных и центральных областей страны (только андалусийцев, по некоторым оценкам, более миллиона в одной лишь Каталонии), прибывшие на поиски работы и осевшие навсегда носители иного — кастильского, т. е. испанского, языка до последнего времени пользовавшегося всеми преимуществами официальной монополии. Вступление Испании в 1960-е годы в эпоху НТР, многократно увеличившей роль «внесемейных» обучения и производства, значение средств массовой информации и влияние массовой культуры, — усугубило положение «неофициальных» языков Испании, поскольку их проникновение в указанные сферы сильно затруднялось политикой запретов. И теперь, когда политическая ситуация изменилась, участники конгресса стремятся ускорить внедрение каталанского языка в обучение, на радио и телевидение, в печать и кино, производство и делопроизводство, деятельность местных органов власти и т. д. Они считают, что этот процесс далеко еще не набрал необходимые масштабы и интенсивность, непозволительно задерживается «равнодушным, рутинной и саботажем». По словам президента конгресса, его основными целями являются как изучение «современной проблематики каталанского языка», так и стимулирование общественности к самой активной деятельности во имя его возрождения⁴.

Участие в работе конгресса иностранных «каталанофилов» — ученых, преподавателей, переводчиков и др. — несомненно, должно было продемонстрировать международный авторитет каталанского языка, его признание во всем мире. В настоящее время он в той или иной форме изучается в 147 университетах за пределами Испании (из них 50 американских, 25 западногерманских, 19 английских, 12 французских и т. д.). На улицах городов висело множество плакатов с приветствиями от имени всех каталано-говорящих народов других языков. Были открыты специальные выставки, знакомившие посетителей с лингвистической и этнополитической картиной мира, и в первую очередь, конечно, с положением каталанского языка: зоной его распространения, историей, юридической ситуацией, числом говорящих, современными проблемами и т. д. На заседаниях секций обсуждались пути решения проблем, порожденных многоязычием и многонациональным составом различных стран. Иными словами, вполне обоснованно утверждалось место каталанского языка и каталаноязычной культуры в общемировом ряду языков и культур, каталанской проблематики — в глобальном перечне этноязыковых и этнополитических проблем.

Однако содержание конгресса всем этим отнюдь не исчерпывалось. То, что происходило на его заседаниях и вокруг него, в какой-то степени отразило сложность, многообразие и взаимное переплетение, характерные для нынешних языковых, этнокультурных, этнодемографических, политических и других процессов внутренней жизни ряда стран Западной Европы. Напомним, что ареал распространения каталанского языка, о котором говорилось выше, включает ряд областей, принадлежащих разным государствам. Только одно из них — Андорра входит в него целиком. В Испании каталаноязычное население проживает в исторических областях Каталония и Валенсия, в прилегающей к Каталонии восточной части исторической области Арагон, на Балеарских островах; во Франции — в пограничном с Испанией департаменте Восточные Пиренеи (т. н. Северная Каталония); в Италии — в городе Альгеро и его окрестностях на о-ве Сардиния. В советской исторической науке до последнего времени в соответствии с языковым критерием все каталаноязычное население Европы называли каталонцами, подразумевая тем самым его этническое единство. Эта точка зрения была воспринята авторами этнографами и проводилась ими во всех этнографических справочниках, учебниках, общих и обзорных работах; на этнических картах все территории, входящие в ареал

³ La Vanguardia. 1.5.86.

⁴ Ibidem.

каталанского языка, покрашены одним цветом, а их население обозначено как «каталонцы».

Между тем действительное положение дел представляется несколько более сложным. Коротко говоря, сколько-нибудь основательно рассмотреть этот крайне непростой вопрос в данном случае нет возможности — особенности исторического развития населения каталаноязычного ареала на протяжении веков привели к тому, что при несомненном (для исследователей) генетическом и языковом единстве практически отсутствует общекаталанское этническое самосознание, равно как и сколько-нибудь заметное движение за политическое объединение Països Catalans («каталанских стран» или «земель», как иногда называют все части ареала в совокупности). Более того: попытки, будь то в политике, или в культуре, или в любой другой сфере, провозгласить какие-то общекаталанские цели и задачи нередко воспринимаются весьма болезненно и служат поводом для подозрений и обвинений в адрес Каталонии со стороны различных групп в остальных каталаноязычных областях, в том, что эта историческая область — наиболее развитая экономически, сосредоточившая на своей территории большую часть населения ареала, область, коренные жители которой доказали высокий уровень этнополитического самосознания длительной и упорной борьбой против национального угнетения, — стремится подчинить их своему влиянию. Особенно сильны такого рода тенденции и настроения в Испании, где они составляют часть общеспанского регионализма — движения за утверждение самостоятельности составляющих эту страну исторических областей. Очередной мощный подъем регионализма в 1970-х — начале 1980-х годов формально завершился в мае 1983 г. предоставлением автономных статусов всем историческим областям, в том числе имеющим каталаноязычное население: Каталонии, Валенсии, Балеарским островам, Арагону. Отмена — в соответствии с новой конституцией — монопольного положения кастильского (испанского) языка, признание права «народов и национальностей» Испании на собственное культурно-языковое развитие вызвали во многих из вновь созданных «автономных сообществ» (их официальное название — «comunidades autónomas») бурные дебаты о конкретных путях этого развития. В Валенсии, к примеру, многие тысячи людей участвовали в спорах, дискуссиях, митингах, уличных манифестациях по вопросу о том, как будет назван язык, провозглашенный вторым (поярду с кастильским) официальным — «каталанским» или «валенсийским», каким быть флагу автономии (как в Каталонии или с голубой «валенсийской» поперечной полосой у древа) и т. д. Кстати, в конечном счете на «символическом уровне» победили сторонники местной самобытности: восторжествовали «валенсийский язык» (valenciàno) и прочие атрибуты уникальности автономной Валенсии.

Наиболее рьяные «валенсианисты» организовывали бойкоты каталонских товаров, закрывали двери валенсийских церквей перед паломниками из Каталонии, вешали и сжигали чучело главы каталонского автономного правительства Пужоля и совершали множество других антикаталонских выпадов с целью утвердить в сознании местных жителей свой тезис об опасности «каталонизации» Валенсии. Что же до населения Валенсии в целом, то — при самом широком спектре различных взглядов и мнений, продиктованных партийной, социальной, групповой принадлежностью и пр., а также, разумеется, теми или иными индивидуальными особенностями, — в подавляющем большинстве оно, судя по всему, придерживается представления о своей валенсийской самобытности, хотя в оценке ее сущности и пределов, в трактовке понятий «валенсийский народ» и «валенсийский язык» опять-таки существуют серьезные расхождения. К тому же часть коренного населения исторической области Валенсия (преимущественно ее внутренних районов) еще со времен Реконквисты и послепарабского заселения не каталано-, а испаноязычна, и это вносит дополнительный нюанс в споры о судьбах культуры и языка «валенсийского народа».

На протяжении столетий региональные группы каталаноязычных обитателей Испании выработали определенные особенности языка и местной этнической культуры, особое и очень устойчивое местное самосознание, которое можно было бы, очевидно, называть этнорегиональным. В специфических условиях Испании они накопили во многом различный исторический опыт, до сих пор сильно расходятся по уровню экономического развития, по расстановке социальных и политических сил (до того, как в 1960-е годы нынешнего столетия началась всесторонняя капиталистическая модернизация, эти различия были значительно большими). И тем не менее созыв общекаталанского конгресса оказался возможным. В этом, как мне кажется, большую — и даже, может быть, решающую — роль сыграли тождественность задач, стоящих сейчас перед всеми «каталанскими» автономными регионами в культурно-языковой сфере, и, что очень важно, растущее осознание этой тождественности. Так, накануне открытия конгресса на Балеарских островах местный парламент единодушно принял закон о так называемой «лингвистической нормализации», призванный восстановить и упрочить позиции каталанского языка. Примечательно, что это стало возможным лишь благодаря резкому изменению позиций находившейся здесь в тот момент у власти правой партии Народный альянс, имеющей репутацию «централизаторской» и «испанистской». А в Валенсии широкий резонанс получило выступление одного из активных в недавнем прошлом «валенсианистов», который обвинил своих бывших единомышленников в том, что они объективно играют на руку сторонникам франкизма, и заявил, что опасность для валенсийцев в сфере культуры представляет не «каталонизм», а усиливающаяся «кастилизация» (точнее — «кастельянизация», от «castellano» — исп. яз.)⁵. Даже в Андорре, где каталанский как язык коренного населения имеет официальный статус, правительство вынуждено сейчас вести кампанию за «андорризацию» (в лингвистическом отношении —

⁵ SAO. 1986. № 86. P. 21.

каталанизацию) обучения⁶, чтобы как-то противостоять сильнейшему культурно-языковому влиянию соседних стран (Испании и Франции).

Возвращаясь к конгрессу, следует еще немного сказать об особенностях его организации. График работы секций был составлен таким образом, что участники и гости могли, будь то их желание, не ограничивать себя лишь одной из них. Маршрут советской делегации, в состав которой, помимо группы филологов, вошли два историка и один этнограф (автор этих строк), проходил через города Пальма-де-Мальорка (с 29 апреля по 4 мая), Валенсия (с 5 по 7 мая) и Барселона (с 8 по 10 мая). Выбор именно этих городов (точнее, секций, которые планировалось в них разместить) был обусловлен, с одной стороны, интересами филологов, составлявших, естественно, ядро группы, а с другой — той информацией, которой мы располагали к моменту оформления. В ряду выступлений членов советской делегации центральным стал совместный доклад на секции «Социальная лингвистика» о языковой ситуации в нашей стране, об опыте СССР в деле развития языков и культур советских республик.

В то же время лишь на месте выяснилось, что средоточием обсуждения этнонациональной проблематики, особенно интересовавшей историко-этнографическую часть группы, станет город Жирона (на территории испанской Каталонии), который остался в стороне от маршрута. Что касается визитов в Пальму и Валенсию, то трудно измерить значимость непосредственных впечатлений от событий, в которых наглядно проявилось влияние регионального фактора на этническое развитие народов Испании. Это влияние, надо сказать, представляет одну из сложнейших проблем этнической истории населения этой страны и чрезвычайно усложняет понимание нынешней национальной ситуации.

Проявления и отголоски означенного фактора то и дело давали о себе знать. Перед торжественным открытием конгресса, когда его участники собрались на набережной Пальмы у дверей Аудиториума, в двух десятках метров от них группа людей развернула плакаты и принялась скаандировать — за шумом толпы и автомобилей не было слышно, что именно, но скорее всего — начертанные на плакатах лозунги: «Каталанские земли? Балеары к ним не относятся!», «Балеарским островам — балеарский язык!», «Балеары — не Каталония!» и т. д. Кто-то из их единомышленников проник и в зал, потому что одного из ораторов, говорившего о необходимости упрочить позиции каталанского языка, прервали выкриком с балкона: «А нам-то какое до этого дело?». Приехав в Валенсию, мы узнали из газет, что «валенсианистские» партии и группы назначили на 10 мая манифестацию в защиту «валенсианского языка» — «символа нашей литературной традиции и исторического величия, средства взаимопонимания значительной части валенсианцев, созидательной силы чисто валенсианского культурного достояния...»⁷. Ее инициаторы рассматривали конгресс как наступление на самобытность Валенсии, еще один шаг в ее «лингвистической колонизации», в превращении валенсианцев в часть так называемой «каталанской нации». Гимн, посвященный конгрессу, они язвительно называли «Интернационалом на каталанский манер». На стенах домов и на тротуарах можно было увидеть размашистые надписи: «Валенсианский — независимый язык!».

Эта негативная тенденция оставалась вне конгресса и нельзя сказать, что она хоть в какой-то мере повлияла на его проведение. Куда более примечательным и симптоматичным мне показался ряд «внутриконгрессовых» тенденций и эпизодов. Уже в ходе торжественного открытия представители некоторых (да едва ли не всех!) каталаноязычных регионов подчеркивали в своих выступлениях их безусловную самобытность, большую значимость региональных границ. Характерна в этом отношении речь арагонского делегата, который заявил, что особенности, культура и история говорящих по-каталански жителей Арагона (составляющих там меньшинство населения) — неотъемлемое достояние этой исторической области и в этом смысле каталанский язык Арагона — арагонский язык, подобно тому как каталанский язык Валенсии — валенсианский. О неповторимости истории и культуры «народа Питууских островов» говорил представитель этой небольшой островной группы в пределах Балеарского архипелага. По-видимому, для этой категории участников конгресса его основное назначение состояло прежде всего в укреплении позиций каталанского языка в границах их регионов — как основы для возрождения и упрочения именно своих, местных культур. Это вполне согласуется с ответами одной из сотрудниц мальоркинского отделения оргкомитета на мои вопросы о ее этническом самосознании: по ее мнению, которое она считает мнением большинства земляков, жители Балеарских островов не составляют единого этноса (по-исп. «*etnia*») с обитателями других *Paisos Catalans*, хотя люди, придерживающиеся противоположной точки зрения, здесь имеются. Наконец, в Валенсии мы стали свидетелями резких возражений мальоркинского филолога против тезиса одного из докладчиков о том, что до середины прошлого века в пределах ареала доминировал барселонский вариант каталанского языка.

Интересно, что более 60 лет назад выдающийся филолог, создатель нормативной грамматики каталанского языка Помпеу Фабра указывал, что многие валенсианцы и балеарцы еще верят, будто решение задачи унификации письменного каталанского языка означает подчинение их диалектных вариантов языку Каталонии, тогда как на самом деле речь идет, по его мнению, лишь о том, чтобы в каждом из трех больших регионов каталанского языка произошло его очищение и восстановление.

По признанию президента Бадии Маргарита, «в нашей среде еще слишком много расхождения и противоречий»⁸. Упор на единый «центральный» вариант вызывает про-

⁶ La Vanguardia. 6.5.86.

⁷ Las Provincias. 7.5.86.

⁸ La Vanguardia. 1.5.86.

тесты и сейчас, и задачу стандартизации стремятся решить с учетом местных разновидностей, включив диалектные формы в единый общий язык. Вместе с тем участники конгресса решительно высказывались против «социолингвистического предрассудка», в соответствии с которым степень диалектной дробности каталанского языка якобы настолько велика, что дает основание говорить о целом ряде самостоятельных языков (валенсийский, мальборкинский и др.), возникших на его основе; попытки «разрушить глубокое и очевидное единство совокупности наших способов выражения» в одном из выступлений были охарактеризованы как «валенсианизация» лингвистической проблемы. Напротив, конгресс, по мнению представителя Северной Каталонии (Франция), должен был, помимо прочего, послужить укреплению культурных связей между «землями каталанского языка» (пожалуй, более радикального призыва к сближению отдельных региональных групп каталаноязычного населения я не слышал и не читал за все время командировки...).

Перед теми, кто борется за возрождение каталанского языка, стоит нелегкая задача. Очень велик понесенный им ущерб, очень сильно сопротивление, в особенности за пределами Каталонии. Не раз в той же Пальме-де-Мальорка на обычный, обращенный к первому встречному вопрос о том, где находится та или иная улица или площадь, нам отвечали, довольно раздраженно исправляя при этом употребленное нами каталанское название на кастильское. И здесь, и в Валенсии существует сейчас что-то вроде двойной топонимики, испанской (кастильской) и каталанской, находящейся в состоянии своеобразной войны: карты, схемы и справочники отражают, естественно, точку зрения издателя, зато чуть ли не на каждом дорожном указателе испанская надпись черной краской от руки исправлена на каталанскую; таблички с названиями улиц в тех же целях заклеивают плакатиками с надписью типографским шрифтом, и т. д. Замечу, что в Каталонии, где три года назад я видел нечто подобное, сейчас уверенно доминируют каталанские формы.

Местом «выездного заседания» секции «История языка» стал городок Шатива (по-исп. Хатива) в нескольких десятках километров от г. Валенсии. Он знаменит не столько своей крепостью — уникальной по красоте и древности, не столько тем, что отсюда происходит известное семейство Борджиа, а, главным образом, тем, что в 1707 г. во время войны за испанское наследство он был захвачен после ожесточенной осады, уцелевшие жители изгнаны, а сам город сожжен войсками победителя — первого короля бургундской династии Филиппа V. Именно это печальное историческое событие сделало Шативу символом борьбы валенсийцев за свою региональную автономию. Добившись ее несколько лет назад, местные жители «отомстили» своему давно покойному врагу, перевесив в картинной галерее муниципального музея его портрет вверх ногами, в каковом виде он и пребывает до сих пор.

Сходная роль — символа региональной самобытности — в Каталонии принадлежит горному монастырю Монсеррату, куда автобусы доставили участников конгресса из Барселоны. Существенная особенность Монсеррата состоит в том, что он на протяжении многих лет при Франко был едва ли не единственным местом поддержания каталанской культурной традиции, а его печатный орган «*Serra d'Or*» — единственным каталаноязычным периодическим изданием.

Большое впечатление на зрителя производит находившийся под запретом во времена франкизма знаменитый каталонский танец *сардана* — не столько даже его хореография, сколько вся обстановка исполнения. На улицах и площадях под звуки оркестра, в окружении множества зрителей, на протяжении целых часов, надев здесь же принесенную с собой, обязательную в данном случае мягкую обувь, образовав один или несколько (в зависимости от количества танцоров) отдельных кругов, в центр которых складывают мешающие танцевать сумки, зонтики и другие вещи, — десятки мужчин и женщин самых разных возрастов с поразительной синхронностью делают сложнейшие, едва ли не балетные па, то движутся на месте или по кругу, то замирают, и все это молча, с какими-то просветленными, вдохновенными лицами... Пройти мимо этого зрелища, напоминающего обряд, совершенно невозможно, я, во всяком случае, смотрел и слушал, начисто забыв о времени. И здесь же — маленькие хороводы, составленные детьми, они обучаются танцевать, подражая взрослым и под руководством кого-нибудь из них, принимая эстафету неповторимой культуры своего народа, чтобы нести ее всю жизнь и передать когда-нибудь своим детям и внукам.

Возможно, изложенные здесь впечатления от поездки на Второй конгресс каталанского языка, при всей их отрывочности и ограниченности, в какой-то степени помогут ученым, которым придется иметь дело с его опубликованными материалами, или тем, кто захочет составить представление об этнокультурной и языковой ситуации в Юго-Западной Европе наших дней. Мне хотелось бы только еще раз оговорить условность привычно применяемого у нас термина «каталонцы» как этнонима для всего населения, говорящего на диалектах каталанского языка, а также подтвердить огромную, недооцененную важность непосредственного наблюдения над объектом, которое может существенно дополнить и даже коренным образом изменить точку зрения исследователя, до тех пор только читавшего, а то и писавшего о нем.

А. Н. Кожановский